

ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

ГЛЕБ КОЦУР

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

В 2001 г. Р. Блейкер объявил наступление эстетического поворота в науке о международных отношениях. В фокусе внимания исследований подобного рода оказалось пересечение двух сфер – политики и эстетики. Подавляющая часть работ в рамках поворота сконцентрирована на изучении политизации эстетики в терминах Вальтера Беньямина (процесса инструментализации эстетики в политических целях), в то время как обратный феномен эстетизации политики привлёк куда меньшее внимание профильных исследователей в связи с особенностями оригинального текста и метаморфозами последующей рецепции понятия в политической теории. Данная статья ставит целью компенсировать подобный пробел в эпистемологии, осуществить концептуализацию данной сферы, продемонстрировав значимость эстетизации политики для рассматриваемой области знания. Автор предлагает теоретико-методологическую рамку, включающую в себя концепцию политико-эстетических гибридов, свёрнутую внутри них логику, процессы совмещения и смешения, а также метод ретроспективного отделения эстетического от политического. В статье рассмотрен пример концепции многополярного мира в официальном дискурсе России в качестве подобного гибрида. Он содержит в себе устойчивую логику, увязывающую многополярный принцип построения международных отношений с гармоничным порядком на уровне международной системы и внутри конкретных стран или регионов. За счёт устойчивого характера связи между политическим и эстетическим, которая манифестируется в повторяемости конструкции темпорально и пространственно, преодолевается ситуативная конъюнктурность политизации эстетики. Исследование политико-эстетических гибридов, таких как «баланс сил», «мировой порядок», «симметричный ответ», может быть перспективным для того, чтобы академическое сообщество продвинулось в понимании механизмов функционирования области пересечения международных отношений и эстетики. Кроме того, плодотворными могут оказаться альтернативные взгляды на феномен эстетизации политики при условии последовательной концептуализации и, главное, операционализации моделей такого рода, которые ранее в рамках политической философии страдали излишней метафоричностью и туманностью.

Ключевые слова:

эстетический поворот; эстетизация политики; политизация эстетики; многополярный мир; дискурс; гибриды.

В начале 2000-х годов австралийский учёный Роланд Блейкер объявил «эстетический поворот» в науке о международных отношениях для того, чтобы начать «важ-

ный процесс расширения нашего понимания мировой политики за границы узких рамок, в которых существовала дисциплина» [Bleiker 2001: 510]. Осуществлять его

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2023

Дата принятия к публикации: 07.11.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: glebk17@gmail.com

Блейкер намеревался в том числе путём фокусирования исследований на репрезентациях международных отношений в элитарном и массовом искусстве. Австралиец был не первым специалистом, обратившимся к подобной тематике. Скорее, он заметил зарождающийся тренд. Например, М. Шапиро еще в 1980-х и 1990-х годах писал о роли литературы, фотографии и кино в формировании политических образов в международных отношениях [Shapiro 1988; Shapiro 1999]. Спустя 17 лет после своего первого обращения к этой тематике Блейкер не без удовлетворения зафиксировал становление новой исследовательской области, описываемой как минимум в семи десятках публикаций, посвящённых эстетическому измерению в сфере мировой политики [Bleiker 2018]. Таким образом, заявленный в начале 2000-х годов поворот стал реальностью.

Подавляющее большинство работ сформировавшегося направления объединены лейтмотивом использования политическими субъектами эстетических средств для достижения необходимых целей. Например, Алекс Данчев показал, как политики, правозащитники и другие политические деятели после 11 сентября 2001 г. инструментализировали фотографию, литературу и кино для достижения своих часто противоречивых целей¹ во время «войны с терроризмом» [Danchev 2011]. Дэвид Кэмпбелл продемонстрировал, каким образом фотографии солдат, беженцев и разрушений в ходе Дарфурского конфликта в Судане формировали то, что автор назвал медиаполитикой Западного мира [Campbell 2007]. Лиза Фаннелл и Клаус Доддс изучили негативный образ СССР и постсоветской России, создаваемый крупными киностудиями Голливуда на примере Бондианы [Funnell, Dodds 2017].

В перечисленных случаях мы далеко не всегда сталкиваемся с холодным расчётом субъектов в стиле теории рационального

выбора. Чаще всего субъект такой политики децентрирован (вплоть до капиталистической системы в целом), но общий знаменатель остаётся прежним — то, что Вальтер Беньямин обозначил термином «политизация эстетики» [Беньямин 2023].

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом. Все предыдущие «повороты» в теории международных отношений предполагали не просто тематическое единство исследований, но акцент на том автономном эффекте, который некоторая сфера может оказывать на мировую политику. В частности, представители лингвистического поворота изучали не столько использование языкового фактора политическими субъектами, сколько процесс конструирования реальности, то, как язык способен формировать культуру и мировоззрение [Milliken 1999]. Сторонники практического поворота исследовали, как важнейшие практики в международных отношениях конституируют коллективный субъект зачастую вне зависимости от желания вовлечённых в процесс игроков [Adler, Pouliot 2011]. Представители эмоционального поворота стремятся показать, что эмоции являются ключевым фактором политического процесса, а не остаточным явлением иррациональности некоторых игроков на мировой арене [Crawford 2000]. В этом контексте применительно к эстетическому повороту в теории международных отношений мы вправе были бы ожидать исследовательского фокуса не на политизации эстетики, но на обратном ему феномене эстетизации политики.

В этой связи цель настоящей статьи — компенсировать недостаток внимания к явлению эстетизации политики, процессу, когда эстетическое становится первичным по отношению к политическому. В работе мы предложим нашу концептуализацию феномена через рассмотрение политико-эстетических гибридов — устойчивых дискурсивных конструкций, в которых

¹ Например, расширение полицейского контроля и легитимация гуманитарных интервенций со стороны американского государства против незыблемости границ частной жизни/прав человека в целом и критика внешнеполитической экспансии (позиция части активистов).

эстетические категории взаимодействуют с политическими означающими не посредством процессов совмещения, но благодаря процессам смешения. Статья построена следующим образом. Вначале мы уделим внимание эстетической теории для того, чтобы определиться в терминах и установить, к какой именно традиции интерпретации эстетики мы обращаемся в данном исследовании, а затем рассмотрим ось «политизации эстетики — эстетизации политики», введённую В. Беньямином. Далее мы представим собственную теоретико-методологическую рамку, раскрыв линейку терминов «политико-эстетические гибриды», «политико-эстетическая логика», «работа совмещения/смешения» и проч. Следующим шагом станет практическое применение этой рамки к эмпирическому материалу: мы покажем, почему концепция многополярного мира в официальном дискурсе российских властей — пример политико-эстетического гибрида. Данный случай продемонстрирует, что исследователям следует уделять больше внимания случаям эстетизации политики, а не концентрироваться исключительно на примерах инструментального использования подобных средств политическими субъектами.

Теоретико-методологическая рамка исследования

Эстетика. До того как приступить к изучению пересечения эстетики и политики, методологически целесообразно дать определение каждой из этих сфер. Начнём с первой. Существует два возможных способа рассматривать эстетическую мысль человечества в плане объёма и хронологии. Один из путей может быть назван «эксплицитной эстетикой», при котором мы начинаем её анализ с работ автора термина А. Баумгартена примерно 250 лет назад [Poulakos 2007]. Вместе с тем мы в настоящей работе придерживаемся иного взгляда

«имплицитной эстетики», включающего в себя учёт всех способов эстетической рефлексии человечества с античности. В этой работе мы определяем эстетику как сферу человеческой деятельности и рефлексии, основанную на эстетических категориях². Столь расплывчатая дефиниция дана намеренно. Тысячелетия развития философии предоставили самый широкий спектр кардинально различных эстетических теорий от проекции мира идей Платона [Maguire 1964] до осмысления «разделения чувственного» по Ж. Рансьеру [Рансьер 2007: 14].

В настоящей статье мы обращаемся к пониманию эстетики как пропорциональности, идущему от античных философов Пифагора и Гераклита. Согласно Пифагору и его последователям, красота вещи определяется её идеальной структурой, которая связывается с правильной пропорцией (*греч.* «*symmetria*») между составными частями этой вещи [Пустовит 2006: 46]. Пифагор видел в прекрасном и безобразном отражение взаимосвязи космического порядка и хаоса, где первое образуется из второго. Другой важный для становления той же традиции понимания эстетики философ — это Гераклит с его идеей гармонии. Как отмечал один из виднейших исследователей античной мысли, Ч. Кан, в книге, посвящённой вкладу Гераклита в эстетическую теорию, греческое слово «гармония» происходит от корня (представленного в глаголах «*ararisko*» и «*harmozo*»), означающего «пропорцию» или «соответствие друг другу» «...принцип пропорции и согласия, который создаёт гармоничное единство из потенциально враждебных сил...» [Kahn 1979: 196]. Таким образом, общим знаменателем для двух приведённых эстетических доктрин служит *идея пропорции частей целого, которые изначально могут находиться в самых различных отношениях друг к другу (включая несовпадение и враждебность), но с потенциальной возможностью прийти в гармоничное сочетание*

² Наиболее распространены шесть из них — прекрасное, безобразное, возвышенное, трагическое, комическое, интересное и производные от них [Chandler 1921]. Например, гармоничное — это производное от прекрасного, а беспорядок — от уродливого.

внутри целого. Если пропорция правильная, такая вещь считается красивой. Разумеется, мы в рамках данной работы занимаемся не эстетическим анализом непосредственно, но изучаем устойчивые представления о прекрасном и безобразном в области политического, потому занимаем конструктивистскую позицию, отдавая себе отчёт в том, насколько сильно различались воззрения людей относительно правильности пропорций в зависимости от ценностей того или иного общества.

Мы обращаемся именно к пониманию эстетики как пропорциональности по двум группам причин. *Во-первых*, эта традиция является единственной, которая проходит красной нитью в трудах философов и исследователей начиная с античности вплоть до наших дней³. *Во-вторых*, на уровне рецепции эстетических категорий её можно назвать наиболее массовой среди

аудитории. Если задать вопрос людям, не связанным профессионально с изучением эстетических теорий — будь то граждане или даже политики, — что они понимают под прекрасным, безобразным и т.д., было бы наивно ожидать трактовок через идеи И. Канта или Ж. Рансьера. Особенности развития и распространения интеллектуальной мысли об эстетических категориях привели к тому, что лишь пропорциональная традиция получала широкое распространение в массах во всех частях мира, затронутых западным модерном⁴.

Эстетизация политики. Ввиду того что мы обращаемся к области пересечения эстетики и политики, необходимо уделить внимание термину эстетизации политики, который был создан для описания соприкосновения данных сфер жизни человека. Этот термин и противоположная ему категория политизации эстетики были введены

³ Как мы уже упоминали выше, понимание эстетики как пропорциональности сформировалось в Древней Греции. Средневековые часто называют эпохой теологии — и это верно. В то же время эстетические идеи, пожалуй, самого влиятельного мыслителя того времени Фома Аквинского тоже опирались на пропорциональную традицию: «... красота состоит из цельности (integritas), пропорции, или созвучия (consonantia), и ясности (claritas)... помимо 1) цельности, 2) пропорциональности и 3) ясности, или блеска, у него идёт речь также о 4) «частях» предмета, взятых в их 5) единстве... Первым условием красоты Фома считает цельность, которая есть то же самое, что совершенство. Всякая вещь, лишившаяся даже в самой малой мере своей цельности, становится безобразной» [Посев 1998: 148–149]. В эпоху Возрождения изначально пифагорейское представление о «золотом сечении» [Livio 2002], которое можно рассматривать как математическую манифестацию понимания эстетики как пропорциональности, вдохновляло ряд весьма влиятельных художников и мыслителей, например Леонардо да Винчи. Каждое из двух основных культурных движений Нового времени также было связано с этим пониманием. Один из крупнейших эстетических теоретиков барокко, Эмануэле Тезауро, много внимания уделял так называемым «гармоническим фигурам», которые могут «родиться от соблюдения трёх пропорций, услаждающих слух: от приравнивания построения, от противоположения значений и от уподобления звучания» [Тезауро 2002: 101]. Тезауро выделял оппозицию, которая «покоится на гармонии» и «родится при контрасте значений» [Там же]. Радикальная альтернатива этому культурному течению — классицизм — также включала в основу эстетической программы ряд принципов пропорциональности [Буало 1937]. Английский философ второй половины XIX века Джон Рескин, вдохновивший многих будущих представителей эстетизма, например Оскара Уайльда, тоже обращался к этому пониманию красоты: «Все лучшие картины имеют такой характер... В подобных произведениях всегда царит строгий порядок и единство, одна общая идея воплощается во всём, малейшая подробность помогает общему впечатлению и не может быть опущена безнаказанно» [Рескин 2016: 152]. Наконец, итальянский семиотик и писатель Умберто Эко в своей «Истории красоты» ставит пропорциональную интерпретацию на первое место среди влиятельных концепций прекрасного, дошедших до наших дней [Эко 2004: 61–98]. Заметим, что мы в нашем беглом обзоре не упомянули формальную эстетику XIX и XX веков, ставшую авангардом пропорциональной традиции в наше время и представленную Иоганном Ф. Гербартом, Алоисом Риглем, Генрихом Вельфлиным, Клайвом Беллом, Клементом Гринбергом и др.

⁴ Конкуренцию могла бы составить лишь символическая традиция эстетики, но она применима лишь к искусству, которое образует малую часть объектов, получающих от нас ежедневно эстетическую оценку: мы не считаем кружку или кресло красивыми, потому что они символизируют нечто стоящее за формой.

в научный оборот знаменитым представителем Франкфуртской школы неомарксизма Вальтером Беньямином в классическом эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» в 1935 году [Беньямин 2023]. Он использовал их для обозначения ситуации, когда две области пересекаются между собой и одна приобретает первичное значение по отношению ко второй.

Ни у современников Беньямина, ни у последующих мыслителей не возникло больших проблем с интерпретацией первой части уравнения — пониманием феномена политизации эстетики. Диспозиция, при которой политические субъекты используют эстетические средства для достижения политических целей, чрезвычайно распространена и интуитивно понятна. В то же время содержание противоположного феномена эстетизации политики ускользало от понимания и в 1935 году, и позднее. Что это значит практически? Причины путаницы кроются в тексте самого Беньямина и в особенностях его последующей рецепции.

Во-первых, автор увязал политизацию эстетики только с коммунизмом, а обратный феномен лишь с фашизмом. В результате политологи столкнулись со сложной ситуацией после 1991 года: сферы политики и эстетики существуют, равно как и область пересечения между ними; термины для её описания уже введены, но фашистских и коммунистических режимов на политической карте мира почти не наблюдается. Большинство современных режимов — это демократии и автократии, насколько к ним применима логика Беньямина?

Во-вторых, автор не дал прямых определений обоих терминов, раскрывая суть явления на примерах. Это распространённый в политической теории способ написания текстов, который может быть плодотворным, но в данном случае эти примеры были слишком разнообразны и метафоричны. Беньямин определил феномен эстетизации политики почти исключительно через речь лидера движения футуристов Ф.Т. Маринетти. Итальянский поэт, поддер-

живавший позицию Муссолини, заявил, что война прекрасна, потому что: 1) утверждает «господство человека над порабощённой машиной»; 2) «делает более пышной цветущий луг вокруг огненных орхидей митрализёз»; 3) «соединяет в одну симфонию ружейную стрельбу, канонаду, временное затишье, аромат духов и запахи мертвечины»; 4) «создаёт новую архитектуру, такую как архитектура тяжёлых танков, геометрических фигур авиационных эскадрилий, столбов дыма, поднимающихся над горящими деревнями, и многое другое» [Беньямин 2023]. Все эти метафоры дополняются техно-визуальным аргументом Беньямина, что «насилию над массами, которые он в культе фюрера распластывает по земле, соответствует насилие над киноаппаратурой, которую он использует для создания культовых символов» при эстетизации политики; и наконец, «Его самоотчуждение (фашизма) достигло той степени, которая позволяет переживать своё собственное уничтожение как эстетическое наслаждение высшего ранга» [Беньямин 2023].

Проблема с почти всеми вышеперечисленными примерами (кроме последнего аргумента о саморазрушении) состоит в том, что всё это может равным образом трактоваться и как политизация эстетики. Беньямин открыто признаёт, что данная речь Маринетти, созданная для оправдания колониальных войн Италии, — это не что иное, как инструментальное использование эстетики для достижения политических целей. Современный классик Б. Гройс утверждает, что в более поздней рецепции термина смешались два противоположных явления: «Когда говорят об эстетизации политики, например в связи с нацистской Германией, довольно часто имеется в виду дизайн — попытка сделать нацистское движение более привлекательным, более соблазнительным: чёрная униформа, факельные процессии. Важно понимать, что толкование эстетизации как дизайна не имеет ничего общего с определением эстетизации, из которого исходил Беньямин...» [Гройс 2018], — в его терминах оно, напро-

тив, соответствует политизации эстетики.

Положение осложнялось тем, что рассматриваемая концепция развивалась в рамках политической философии, для которой характерна большая метафоричность по сравнению с политической наукой. Неудивительно, что в 1991 г. Мартин Джей написал эссе под названием: «Что значит эстетизировать политику?» [Jay 1992]. Прошло 60 лет, но вопрос оставался таким же актуальным, как и в 1935 году. Наконец, немецкий философ Вольфганг Вельш опубликовал в 1997 г. системообразующую монографию [Welsch 1997], в которой собрал наиболее цитируемые и влиятельные семантические толкования термина «эстетизация». Было бы наивно предполагать, что он сможет найти некий общий знаменатель, но рабочим определением для него стала следующая дефиниция: «Эстетизация означает, что неэстетическое делается или понимается как эстетическое» [Welsch 1997: 7]. То есть эстетизация политики — это когда «политическое делается или понимается как эстетическое». Даже если оставить в стороне споры о содержании политики и эстетики, это определение вызывает больше вопросов, чем предоставляет ответов. Должны ли мы делать упор на понимание или на действие? Что если политический деятель не осознаёт нечто как эстетическое, но оперирует эстетическими категориями? И главное: на практике мы всегда сталкиваемся со случаями, когда используются одновременно и политические, и эстетические категории. Как понять направление перетекания

(от политики к эстетике или наоборот), если эмпирически мы всегда имеем дело со смешанными случаями?

Итак, мы оказываемся в ещё более запутанной ситуации, чем в 1935 году. Мы точно знаем, что сфера пересечения эстетики и политики феноменологически существует; она важна для международных отношений; для её описания есть термин, но операционализировать его для изучения конкретного эмпирического материала затруднительно.

Политико-эстетические гибриды и работа очищения. Ввиду того что предыдущие попытки концептуализации феномена оказались неудачными и расплывчатыми, мы вправе выстроить собственную теоретико-методологическую рамку эстетизации политики. Для начала скажем несколько слов о нашем понимании политического.

В настоящем исследовании мы рассматриваем политическое в постструктуралистском ключе через теорию гегемонии Ш. Муффа и Э. Лаклау⁵. Ещё основатель структурной лингвистики Ф. де Соссюр выделял две части знака — означающее и означаемое как образ и концепт, внешнюю и внутреннюю стороны [Соссюр 1999: 68–70]. Связь между ними устанавливается в силу уникальных исторических обстоятельств, кроме этого, не объясняется ничем другим и, по замечанию Муффа и Лаклау, становится объектом непрекращающейся дискурсивной схватки. Исследователи уравнивают процесс политического и артикуляцию — «любую практику, устанавливающую отношения между элементами таким

⁵ Разумеется, данный подход является далеко не единственной формой определения политического в философии и науке. Одной из доминирующих интерпретаций в современном мире стала трактовка с акцентом на ротации элит и участия народа в политике через выборы [Pettit 2017]. Всё большую популярность в академической среде обретает обновлённая версия античного видения политики как активного вовлечения граждан в жизнь полиса [Arendt 1998]. Невозможно проигнорировать консервативную интерпретацию политического в духе К. Шмитта через противопоставление друга и врага [Sartori 1989]. Фуколдианская теория фокусируется на феномене рассеянной власти, правительственности и биополитике, расширяя понимание политического за узкие пределы сфер электорального процесса и администрирования [Simons 1995]. Мы же в данной работе обращаемся к дискурсивной версии на базе трудов Ш. Муффа и Э. Лаклау, потому что рассматриваем феномен эстетизации политики именно в области речевых актов. Возможно, явление эстетизации политики не ограничивается сферой дискурса; в таких случаях при рассмотрении материальных манифестаций подобного феномена будет целесообразно использовать иные версии политического — с большим фокусом на практике.

образом, что их идентичность видоизменяется... Структурированную совокупность, возникающую в результате артикуляционной практики, мы будем называть дискурсом» [Laclau, Mouffe 2001: 105]. В подобных условиях цель любой политической силы состоит в том, чтобы закрепить свою интерпретацию пустых и плавающих означающих в узловых точках дискурса. Пустые означающие (означающее без означаемого) «возникают только в том случае, если имеется структурная невозможность значения как такового, и только если эта невозможность означает себя как прерывание (размывание, искажение и т. д.) структуры знака» [Laclau 1996: 36–37]. На практике это делается посредством работы эквивалентности и различия между означающими.

Следующим важным элементом выступает то, что можно назвать латурианским ходом. Мы стремимся концептуализировать область между политикой и эстетикой, в то время как знаменитый французский философ Б. Латур столкнулся со схожей проблемой работы на пересечении в труде «Нового времени не было» [Латур 2006], когда он рассматривал связь между обществом и природой. Для того чтобы описать данную проблему, Латур использовал термин «гибриды» как результат взаимодействия общественного и природного. Он упомянул несколько примеров, один из которых — озоновая дыра: ни у кого нет сомнений, что она представляет собой природный феномен, но она становится в равной мере и публичным объектом, потому что люди обсуждают озоновые дыры, издают законы и вводят налоги в связи с ними [Латур 2006: 59]. Гидриды возникают как результат так называемого перевода (*франц.: traduction*), когда природное смешивается с общественным. В свою очередь, обратную операцию Латур называет работой очищения, когда создаются «две совершенно различные онтологические зоны, одну из которых составляют люди, а другую — “не-люди”» [Латур 2006: 71].

Теперь мы располагаем всеми необходимыми элементами, чтобы собрать воедино теоретико-методологическую рамку. В фокусе внимания нашего исследования две сферы — политическая и эстетическая. Политика представляет собой область отношений между означающими (пустыми и плавающими). Эстетика же является полем бытования эстетических категорий и производных от них. По сути, такие категории также можно было бы рассматривать как пустые означающие, но здесь есть существенные различия. Политическая функция эстетических категорий состоит в том, что они способны наделять понятия эстетической легитимностью, которая куда меньше зависит от контекста, нежели политические означающие. Например, означающее «США» наполняется конкретным политическим контентом лишь внутри определённой семантической системы. Внутри американского официального дискурса это будет одно наполнение, а в российском или иранском — совершенно иное. Напротив, категория «красота», разумеется, обладает разными семантическими оттенками в США, России и Иране, но в любом из этих дискурсов она будет выполнять единую функцию наделяния политических означающих эстетической легитимностью в речевых актах вроде «США/Россия/Иран — это прекрасная страна».

Взаимодействие между сферами политики и эстетики осуществляется в два этапа. Первый включает в себя *совмещение* (*superposition*) — работу эквивалентности между политическими означающими и эстетическими категориями, где первые приобретают дополнительную легитимность за счёт вторых, но остаются отдельными друг от друга. Данный этап соответствует феномену политизации эстетики⁶. Примером совмещения может служить высказывание «государство X — великая страна, поскольку оно даёт миру великое искусство». Здесь выделяется политическая логика (государство X — великая страна) и эстетическая логика (великое искусство).

⁶ Хотя не сводится только к нему.

ство имеет эстетическую ценность). Политическая логика обретает легитимность за счёт эстетической: страна в целом характеризуется в качестве великой по эстетическому критерию обладания великим искусством. Вместе с тем политическая и эстетическая логика существуют независимо друг от друга и были связаны только в рамках конкретного речевого акта: великое искусство есть не только у страны X, и это не единственная её характеристика. Посредством совмещения реализуется политизация эстетики.

Второй этап, или *смешение*, является таким типом взаимодействия эстетических категорий и политических означающих, когда первые соединяются со вторыми в рамках политико-эстетических гибридов и могут быть разделены только посредством работы очищения. В то время как совмещение представлено речевыми актами в форме фраз или словосочетаний, результаты смешения содержатся внутри отдельных понятий, которые обладают устойчивой логикой. Этим смешение отличается от совмещения, где логика ситуативна в каждом новом речевом акте. Благодаря устойчивому характеру связи между политическими означающими и эстетическими категориями гибриды преодолевают ситуативный оппортунизм политизации эстетики и соответствуют эстетизации политики. Совмещение способно перейти в смешение и кристаллизоваться в форму гибрида при наличии ряда обстоятельств, если логика, свёрнутая внутри него, станет устойчивой (повторяемой).

Политико-эстетические гибриды – это устойчивые дискурсивные конструкции, в которых эстетические категории взаимодействуют с политическими означающими не посредством работы совмещения, но благодаря работе смешения. Невозможно сказать, что в процессе смешения эстетические категории политически инструментализируются; напротив, эстетика навязывает свою логику, что представляет перспективный эмпирический материал для изучения в рамках эстетического поворота в международных отношениях.

Исследовательский метод настоящей статьи – это операция, противоположная смешению, – работа очищения. Она предполагает изучение того, как происходило смешение политических означающих и эстетических категорий. В практическом плане это означает выявить дискурсивную работу эквивалентности и различия в терминах Лаклау, способствовавшую свёртыванию политико-эстетической логики внутри гибрида. В то время как процесс смешения может продолжаться десятилетиями или даже веками, наша методологическая задача состоит в том, чтобы распутать этот запутанный клубок, показать, как политика и эстетика стали единым целым в данном конкретном случае. В разных версиях современных политических дискурсов мы сталкиваемся с рядом гибридов, наличие эстетической компоненты в которых не кажется очевидным: «мировой порядок», «баланс сил», «асимметричный ответ». В рамках эмпирической части исследования мы сосредоточимся на одном важнейшем политико-эстетическом гибриде в официальном российском дискурсе – концепции многополярного мира.

«Многополярный мир» как политико-эстетический гибрид

Концепция многополярного мира генеалогически наследует классическому для западной мысли о международных отношениях понятию баланса сил. В этом смысле не случайно, что представители неореализма зачастую рассматривали два термина в связке. Например, основатель этого направления К. Уолтц писал: «Многополярность становится реальностью на наших глазах. Более того, она возникает в соответствии с императивом балансирования» [Waltz 2000: 37]. Дж. Миршаймер пошёл ещё дальше и объединил концепции, вводя своего рода классификацию: «Несбалансированные многополярные системы включают в себя три или более великих держав... Несбалансированная многополярность, безусловно, является наиболее склонным к войне и смертоносным распределением мощи... Сбалансированные многополярные

системы не имеют ревизионистского гегемона...» [Mearsheimer, Alterman 2001: 270].

Что ещё более важно для настоящего исследования, в российском семантическом контексте второе понятие также наследует первому. Концепция многополярности обрела свой привилегированный статус в российском официальном дискурсе во многом благодаря усилиям Е.М. Примакова — министра иностранных дел (1996–1998) и премьер-министра страны (1998–1999). Примаков по своему мировоззрению был реалистом, оценивал позицию России в мире преимущественно через призму баланса сил [Иноземцев 2012], поэтому обращение к термину «многополярный мир» и его популяризация этого термина оказались столь органичными, особенно на фоне активного распространения цивилизационных теорий в научных и околонаучных кругах в 1990-х годах.

Мы указываем на взаимосвязь концепций многополярности и баланса сил по следующей причине. Есть основания полагать, что в плане генеалогии последнее не только опирается на теологическую или механистическую традицию восприятия мира (указание на эти направления уже стало общим местом [Little 2007; Sheehan 1996]), но и включает в себя эстетические элементы. В частности, заметный представитель неоклассического реализма Р. Швеллер замечал: «Везде, где бы она ни применялась, метафора “баланса” воспринималась как закон природы, лежащий в основе большинства вещей, которые мы находим привлекательными, будь то порядок, мир, справедливость, честность, умеренность, *симметрия, гармония или красота*» [Schweller 2016].

Ему вторил отечественный философ международных отношений Э. Баталов, когда прямо предлагал рассматривать концепты баланса сил и мирового порядка как эстетические [Баталов 2005: 103]. Подобная тема незаслуженно обойдена внимани-

ем исследователей и требует отдельного исследования, но примечательно следующее обстоятельство. Если понятие баланса было в историческом отношении интеллектуально связано с эстетической традицией (и, возможно, её интерпретацией через пропорциональность), не является ли это указанием на наличие эстетической компоненты и в концепции многополярного мира как наследника изначального термина?

Ниже мы покажем, что данная гипотеза не лишена основания. Любой политико-эстетический гибрид содержит внутри себя свёрнутую логику. В данном случае она звучит так: «*Многополярность как пропорция связана с гармоничным порядком*». Эта формула распадается на четыре инварианта в зависимости от уровня и модальности. Рассмотрим последовательно каждый из них.

Первый инвариант — это позитивная макрологика: «*Многополярность как пропорциональность в международных отношениях связана с гармоничным международным порядком*». Позитивность здесь отражает эстетическую легитимацию, в то время как макро- указывает на масштаб или уровень. Например, выступая на ежегодном Валдайском форуме в 2019 году, президент России В.В. Путин сопоставил «концерт великих держав» середины XIX века с «глобальным “концертом” моделей развития интересов, культур и традиций, где звучание каждого инструмента важно, незаменимо и ценно»⁷. В.В. Путин добавил: «И чтобы “музыка” исполнялась без фальши, без какофонии, а, наоборот, звучала гармонично, важно учитывать мнение и интересы всех участников международной жизни... Россия искренне привержена таким подходам»⁸. В данном случае в рамках работы эквивалентности ставятся в один ряд понятия «развитие», «интересы», «международная жизнь» и, наконец, «Россия» с эстетически легитимирующей категорией «гармоничная музыка».

⁷ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин выступил на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Президент России [Электронный ресурс]. 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения: 19.04.2023).

⁸ Там же.

Эта линия рассуждений была продолжена министром иностранных дел страны С.В. Лавровым в его статье «Мир на перепутье и система международных отношений будущего». Он выстраивал цепочку эквивалентности между означающими «формирование многополярного мира», «сотрудничество», «гармонизация интересов», соединяя их с российской внешней политикой: «Что касается России, то мы продолжим продвигать положительную, объединительную повестку дня, ориентированную на стирание старых и недопущение появления новых разделительных линий...»⁹.

Подобные заявления политиков и чиновников имеют очевидные параллели с программными документами Российской Федерации. Например, с Концепцией внешней политики 2016 года, где означающее «Россия» и производные от него сопрягаются с категориями, легитимизирующими политическое через эстетику. Здесь Российская Федерация в духе пропорциональной традиции играет роль «уравновешивающего фактора в международных делах и развитии мировой цивилизации», вносит вклад в «формирование партнёрства между культурами, религиями и цивилизациями, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества»¹⁰. Механистическая и одновременно эстетическая категория «уравновешивания» вкупе с «гармонией» оказывается неразрывно связана с «развитием» и «цивилизацией» в российском внешнеполитическом курсе. Таким образом, позитивная макрологика соединяет многополярный мир и Россию как его ключевого сторонника в международных отношениях с не только этическим нача-

лом, но и эстетически обоснованным «гармоничным порядком».

Обратный инвариант негативной макрологии предполагает, что *однополярность как диспропорция в международных отношениях связана с дисгармоничным международным порядком*. Демонстративная оценка западной однополярности была высказана В.В. Путиным во время встречи с главами государств и правительств стран БРИКС в 2020 году: «Вы сказали, что в индийской культуре весь мир является одной семьёй. Это фундаментальная, базовая вещь, на которую мы все должны равняться... В этой связи не могу не вспомнить русскую поговорку: “В семье не без урода”. К сожалению, есть люди, которые вырываются из общего контекста и пытаются навязать свою собственную повестку дня»¹¹. Категория «уродства», которая внутри данного речевого акта является характеристикой западного одностороннего подхода к ведению международных дел, отсылает нас к эстетической дихотомии «прекрасное—безобразное». Таким образом, эстетическое сплетается с политическим в речах российского президента.

Аналогичным образом С.В. Лавров в открытой лекции в 2014 г. утверждал: «У американцев обычно бывает так: они сами придумывают концепцию решения проблемы (в Ираке, Афганистане, Йемене, где-то ещё) и говорят всем: “Решение в Вашингтоне принято, давайте обеспечим международное сотрудничество на этой основе...” хотя теория проверяется практикой, а практика показывает, что куда бы американцы ни вмешивались, там наступает хаос и разруха»¹². В этом пассаже «Запад» сводится к означающему «Соединённые Штаты», которое отождествляется с деле-

⁹ Лавров С.В. «Мир на перепутье и система международных отношений будущего». Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском Союзе [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://russiaeu.ru/ru/news/statya-ministra-inostrannykh-del-rossii-svlavrova-mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnykh> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Президент России [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 19.04.2023).

¹¹ Путин: весь мир является одной семьёй, но «в семье не без урода». ТАСС [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://tass.ru/politika/10023945> (дата обращения: 19.04.2023).

гитимирующими эстетическими категориями «хаоса и разрухи» — подобное состояние наблюдается тогда, когда отсутствует порядок и гармония, когда вещи находятся не на своих местах в неправильных пропорциях, говоря в терминах древнегреческой телеологии. С.В. Лавров ясно формулировал своё видение проблемы в процитированной выше статье 2019 года: «Продвигаемый Западом “порядок” не отвечает потребностям гармоничного развития человечества»¹³.

Не случайно слово «порядок» заключено автором в кавычки в изначальном тексте — по мнению министра, западный порядок приводит к прямо обратному упорядоченности результату. И все бесполезные усилия США направлены лишь на то, чтобы «искусственно затормозить» процесс «формирования полицентричной архитектуры мироустройства», который всё равно «необратим»¹⁴. Подобная точка зрения была отражена и в программных документах, таких как Концепция внешней политики 2016 года: «...попытки навязывания другим государствам собственной шкалы ценностей... в конечном итоге могут привести к хаосу и неуправляемости в международ-

ных отношениях»¹⁵. И вновь политические означающие, связанные с НАТО и США, стоят в едином ряду не только с категориями этики и рациональности, но и с делегитимирующими эстетическими деривативами. Это является общим принципом работы негативной макрологики.

Далее политико-эстетическая логика дополняется более конкретным низовым уровнем. Позитивная микрологика выглядит следующим образом: *многополярность как пропорция в международных отношениях связана с гармоничным порядком внутри стран и регионов*. Подобная логика ярко проявилась в высказывании В. Путина на Валдае в 2020 году: «...не имеет значения, как называется политический строй. В каждой стране своя политическая культура, традиции, свой взгляд на их развитие. Пытаться кого-то слепо копировать — абсолютно бессмысленно и вредно»¹⁶.

Такая позитивная микрологика получает свою проекцию применительно к конкретным примерам в международных отношениях. Российское участие в вооружённом конфликте на Кавказе в 2008 г. между Грузией, Абхазией и Южной Осетией рассматривалось¹⁷ Кремлём как хронологиче-

¹² Выступление С.В. Лаврова на открытой лекции по актуальным вопросам внешней политики России. Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском Союзе [Электронный ресурс]. 2014. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/716270 (дата обращения: 19.04.2023).

¹³ Лавров С.В. «Мир на перепутье и система международных отношений будущего». Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском Союзе [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://russiaeu.ru/ru/news/statya-ministra-inostrannykh-del-rossii-svlavrova-mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnykh> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Президент России [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁶ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Президент России [Электронный ресурс]. 2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁷ «Было вроде бы желание встречаться, на последней встрече мне было сказано, что грузинский “вождь” хотел бы приехать в Сочи, поговорить. Договаривались даже о том, какие документы можно было бы подписать, но потом, я уже об этом говорил, ещё раз скажу, к сожалению, получилось так, что в результате деятельности внерегиональной державы (Соединённых Штатов Америки) ситуация изменилась. Приехала в Тбилиси государственный секретарь, что-то там пропела, и этот гражданин настроился на войну, перестал общаться с нашим МИДом, письма перестал писать, больше не возбуждал вопрос о встрече», — говорит Д.А. Медведев, президент страны в 2008 г. Стенографический отчёт о встрече с представителями общественных организаций. Президент России [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1467> (дата обращения: 19.04.2023).

ски первое воплощение принципов Мюнхенской речи 2007 г. по восстановлению многополярности. В поздравительном послании президентам Абхазии и Южной Осетии по случаю пятой годовщины их признания Россией В. Путин подчеркнул: «...принятые в августе 2008 г. Российской Федерацией непростые, но единственно верные решения по признанию независимости Абхазии и Южной Осетии явились судьбоносными для этих молодых государств, дали возможность самостоятельно выбирать своё будущее... Президент России высоко оценил достигнутые за прошедшие годы Абхазией и Южной Осетией успехи в государственном строительстве и укреплении демократических институтов, восстановлении социально-экономической инфраструктуры, а также отметил создающиеся предпосылки для долгосрочного развития стран»¹⁸.

В данном речевом акте работа эквивалентности каузально соединяет политические означающие, связанные с Россией и её внешней политикой по выстраиванию многополярности в регионе, с описанием порядка и процветания на территории «молодых» государств. Другим показательным примером такой логики можно считать российское участие в гражданской войне в Сирии, которое мыслилось внутри официального дискурса не просто как противодействие растущему влиянию ИГИЛ¹⁹ в регионе, но также как сопротивление американскому однополярному подходу к безопасности на Ближнем Востоке. Так, глава МИД С.В. Лавров заявил, что «американцы крайне обеспокоены, что помощь, которую Россия оказывает Б. Асаду в борь-

бе с «Исламским государством», может означать усиление режима»²⁰.

В интервью РТ в 2015 г. Лавров добавил: «альтернатива Сирии — это “ИГ” и халифат. Нам придётся забыть о Сирии, какой мы её знаем сейчас... о Сирии, которая всегда была полиэтнической, многоконфессиональной страной, колыбелью диалога и сосуществования цивилизаций... первостепенная задача на данном этапе — не позволить террористам разрушить Ближний Восток, ставший колыбелью трёх мировых религий»²¹. Цель дискурсивного субъекта в данном случае состояла в семантическом сопряжении российской внешней политики не только с означающими этического плана, но и с эстетическими категориями вроде «колыбели» или «сосуществования» (гармоничное соединение разных начал). На обратной стороне бинарной оппозиции — «разрушение». Двумя годами позже В. Путин фиксировал успех российской операции во время вручения наград военным тоже с активным привлечением эстетических отсылок: «Россия... внесла главный, решающий вклад в разгром преступной силы, бросившей вызов всей цивилизации, в уничтожение террористической армии, варварской диктатуры, которая сеяла смерть и разрушения, стирала с лица земли больницы, школы, мечети, церкви, памятники истории и культуры...»²².

Сугубо рациональное или даже этическое описание ситуации едва ли выглядело бы столь эффектно, как нарисованная картинка тотального беспорядка. Вот почему эстетические производные, а именно разрушенные «больницы, школы, мечети,

¹⁸ Поздравления главам Южной Осетии и Абхазии с пятой годовщиной признания Россией суверенитета этих республик. Президент России [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19078> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁹ Запрещена в России.

²⁰ Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова телеканалу "Russia Today", Нью-Йорк, 29 сентября 2015 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://archive.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/1804112 (дата обращения: 19.04.2023).

²¹ Там же.

²² Путин В. Встреча с военнослужащими—участниками антитеррористической операции в Сирии. Президент России [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56516> (дата обращения: 19.04.2023).

церкви, памятники истории и культуры» дискурсивно увязываются с противником, в то время как «Россия» — с сохранением или восстановлением порядка. Официальный представитель МИД М.В. Захарова продолжила эту линию рассуждений в 2020 году: «...благодаря решающей роли России... Предотвращён распад Сирии... Это, в свою очередь, позволило спасти Ближний Восток и Средиземноморье от расползания террористической угрозы и нестабильности... Активно помогаем сирийцам решать стоящие перед ними актуальные задачи... восстановление национального единства, преодоление послевоенной разрухи и, наконец, важнейшая проблема миллионов беженцев и внутренне перемещённых лиц»²³.

Настойчивое обращение к означающему «разруха/разрушение», используемому Путиным, Лавровым и Захаровой по отношению к последствиям американской политики демократизации в Ливии, Ираке, Сирии и др., глубоко не случайно. Оно отсылает к тотальному уродливому беспорядку и вкладу России в преодоление этого состояния вещей, а также наделяет субъекта такого «упорядочивания» политической легитимностью по эстетической линии. Итак, позитивная микрологика увязывает «Россию», «российскую внешнюю политику», основанную на многополярности, с восстановлением гармоничного внутреннего порядка стран на контрасте с разрушениями, ассоциированными с западным односторонним подходом к международным отношениям.

Выше мы уже частично затронули обратную негативную половину микрологики: *однополярность как диспропорция в международных отношениях связана с дисгармо-*

ничным порядком внутри стран и регионов. По сути, это означает, что дискурсивные игроки здесь пытаются каузально увязать западный однополярный подход со случаями беспорядка/вышеупомянутой разрухи. Первый из них представлен примером Ливии. Говоря о военной операции западных стран против режима М. Каддафи, В. Путин заметил: «До сих пор там хаос, неразбериха, хлынул поток мигрантов через Ливию, о чём Каддафи всегда предупреждал... А самое главное, что это дестабилизирует весь Ближний Восток»²⁴. В данном пассаже однополярность соединяется через работу эквивалентности с делегитимирующими эстетическими деривативами («хаос, неразбериха, поток мигрантов»). Согласно подобному взгляду, западный подход ведёт к беспорядку, причём не только в стране, но и во всём регионе.

Украинский конфликт также не мог остаться без внимания внутри российского официального дискурса, где мы встречаемся примерно с теми же негативными эстетическими категориями: «Но разве можно было доводить до анархии, до антиконституционного переворота и захвата власти вооружённым путём, чтобы свергнуть страну потом в такой хаос, в котором она сейчас находится?... Я говорю: “У вас наступит анархия, хаос наступит в столице. Пожалеете людей”»²⁵, — заявил В. Путин вскоре после событий 2014 г. в Киеве.

Похожая линия рассуждений присутствовала в совместной статье С.В. Лаврова с его сербским коллегой И. Дачичем в связи с кейсом Косово. Российский министр иностранных дел отождествлял внутреннюю ситуацию в стране со следующими делегитимирующими эстетическими производными: «В Косово царит внутрители-

²³ МИД РФ: Москва готова к диалогу по Сирии со всеми, в том числе с США. Российская газета [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/12/18/mid-rf-moskva-gotova-k-dialogu-po-sirii-so-vsemi-v-tom-chisle-s-ssha.html> (дата обращения: 19.04.2023).

²⁴ Путин В. Интервью телеканалам Al Arabiya, Sky News Arabia и RT Arabic. Президент России [Электронный ресурс]. 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61792> (дата обращения: 19.04.2023).

²⁵ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине. Президент России [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20366> (дата обращения: 19.04.2023).

тический хаос: местные партии погрязли в нечистоплотной борьбе за власть, интригах, взаимных обвинениях и клановых расприх на фоне экономического упадка и разгула преступности... свидетельствует о превращении края с богатым историко-культурным наследием в логово уголовников и бандитов всех мастей»²⁶. Логика остаётся всё той же: западное вмешательство превращает любую точку земного шара в место, где жить невозможно по причине тотального беспорядка как закономерного результата нарушения многополярности.

Позже официальный представитель МИД Мария Захарова описала западный односторонний подход к международным отношениям ещё более ёмкой формулой: «Про успехи НАТО в военной истории говорить даже неловко. Югославия, Афганистан, Ливия — операции альянса принесли хаос и разруху, сопровождалась жертвами среди гражданского населения»²⁷. Означающее «разруха» в качестве производного от категории безобразного используется Захаровой, чтобы вновь соотнести Запад с негативным эстетическим наполнением в коннотативном и денотативном отношении. Работа эквивалентности между «НАТО», «Западом», «американской внешней политикой» и «однополярностью» с делегитимирующими эстетическими деривативами — это общий принцип действия негативной микрологики.

Почему же гибрид, его наполнение в виде политико-эстетической логики и её четырёх инвариантов рассмотрены нами как примеры эстетизации политики, а не наоборот? На первый взгляд дискурсивные субъекты используют эстетическое для продвижения своей политической повестки. Это так, но сразу оговоримся, что политизация эстетики и эстетизация политики — двусторонние неразрывные процессы или (внутри рамок настоящего исследова-

ния) две стадии одного процесса. Проанализированные выше случаи включают в себя феномен эстетизации политики, потому что связь между политическими означающими и эстетическими категориями демонстрирует высокую степень устойчивости и повторяемости. Субъекты могут инструментализировать логику внутри гибрида в своём речевом акте, но она существовала до и после данного акта. Они её лишь воспроизводят. На это указывают три обстоятельства. *Во-первых*, даже в рассмотренной нами ограниченной выборке логика встречается в текстах более чем за 10 лет, причём у разных субъектов артикуляции. *Во-вторых*, мы встречаем логику даже вне российского официального дискурса. Вот что говорил лидер Болгарии Р. Радев на Петербургском международном экономическом форуме в 2019 году: «Во время его последнего концерта в Софии оркестр Мариинского театра перешёл в своём исполнении в пианиссимо. Всё тише и тише — до тех пор, пока звуки в переполненном зале полностью не стихли... После концерта я спросил маэстро: “Как это возможно? Как это возможно, чтобы мы услышали и поняли тихую часть исполнения лучше, чем громкую?” Он мне ответил: “Сила, конечно же, важна, но мелодия и гармония намного важнее”. Может быть, пора и нам, политикам, поубавить количество децибел, потому что мы всё ещё далеки от той гармонии, которую граждане мира ожидают от нас, но это хорошее начало для того, чтобы мы начали слышать друг друга. Думаю, что количество желающих занять место дирижёра в мировом оркестре постоянно растёт, но каждый из них приходит с собственной партитурой, часто даже не поздоровавшись с оркестрантами. Если мы хотим прийти к устойчивому развитию человечества, нам следует уже написать и установить чёткие правила насчёт

²⁶ «РГ» публикует совместную статью министров иностранных дел РФ и Сербии. Российская газета [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/06/18/rg-publikuet-sovmestnuiu-statiiu-ministrov-inostrannyh-del-rf-i-serbii.html> (дата обращения: 19.04.2023).

²⁷ МИД пожелал НАТО в 70-й юбилей альянса поменьше нервничать. РИА Новости [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://ria.ru/20190404/1552393873.html> (дата обращения: 19.04.2023).

пяти нотных линий и самих нот, писать вместе музыку, учитывать специфику каждого отдельного инструмента в оркестре. Думаю, что площадка для подобной деятельности — это Организация Объединённых Наций»²⁸.

Здесь мы фиксируем хорошо знакомую нам логику: многополярность как политический принцип ведёт к гармонии в международных отношениях и внутри отдельных стран, в то время как однополярность — к обратному результату. Заметим, что данную логику артикулировал не В.В. Путин или представитель российского МИД. Всё это указывает на следующую, третью причину. Подобный сюжет требует отдельного исследования, но, по всей видимости, мы наблюдаем перенос некоего каркаса политико-эстетической логики от гибрида-предшественника, а именно — от понятия «баланса сил». Будь то логика возрастом несколько веков или лет, мы наблюдаем функционирование устойчивой дискурсивной (и даже лучше сказать культурной) конструкции, которая воспроизводится раз за разом, эффективно связывает политическое и эстетическое, преодолевая ситуативность и модус инструментализации, характерный для политизации эстетики.

* * *

Объявленный Р. Блейкером в 2001 г. эстетический поворот в науке о МО предполагал повышенное внимание исследователей к области пересечения эстетики и политики. Вместе с тем работы представителей этого поворота были сосредоточены почти исключительно на кейсах политизации эстетики — инструментального использования политическими субъектами эстетики в своих целях — оставляя второй полюс данной бинарной оппозиции слепым пятном для теории международных отношений. Во многом это объяснялось особенностями оригинального текста В. Беньямина и последующей рецепцией понятия, когда ни

одна его операционализация и даже концептуализация не увенчалась успехом, который был бы признан большей частью академического сообщества. В настоящей статье мы предложили собственную теоретико-методологическую рамку для изучения феномена эстетизации политики. Она включает в себя опору на изучение политико-эстетических гибридов, свёрнутой в них логики, процессов совмещения и смешения, а также работу очищения как метода ретроспективного отделения эстетического от политического.

Мы показали, что концепция многополярного мира в российском официальном дискурсе — своего рода гибрид, содержащий внутри себя следующую логику: «Многополярность как пропорция в МО связана с гармоничным порядком». Эта формула разделяется на четыре конкретных инварианта в зависимости от модальности гармонии или дисгармонии (позитивная, негативная) и глобального или национально-регионального уровня (макро-, микро-). Наше исследование указывает на возможности более широкого применения использованного в статье теоретико-методологического инструментария для изучения других практических кейсов. С одной стороны, открывается широкая перспектива исследования того, как политическая риторика зачастую оказывается инициирована и направлена эстетическими ценностями и категориями. С другой — работа предоставляет новые ресурсы для идентификации идеологических механизмов, используемых в политической языковой игре, ведь обращение субъектов к эстетическим категориям часто обеспечивает необходимый им дискурсивный эффект.

Думается, что в рамках дальнейших исследований следует продолжить изучение других гибридов, таких как «баланс сил», «мировой порядок», «симметричный ответ», чтобы лучше понять их роль в функционировании идеологических структур между-

²⁸ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Президент России [Электронный ресурс]. 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (дата обращения: 19.04.2023).

народных отношений и практик мировой политики. Плодотворной видится перспектива сравнительного анализа нескольких гибридов, а также разных версий одного гибрида (многополярность — многополярный мир — полицентричный мир). Возможны и альтернативные взгляды на то, что такое эстетизация политики в принципе; вероятнее всего, гибриды являются далеко не единственной её формой. Главное, чтобы

подобные концептуализации были последовательными и потенциально операционализируемыми. Так или иначе, за два десятилетия эстетический поворот стал уже почти мейнстримной частью исследовательской повестки дня в теории международных отношений, плодотворным образом расширяя наш взгляд на объект академических изысканий учёных-международников.

Список литературы

- Баталов Э.Я. О философии международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 132 с.
- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Кафедра истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru> (дата обращения: 19.04.2023).
- Буало Н. Поэтическое искусство. М.: Художественная литература, 1937. 101 с.
- Гройс Б.Е. «Вера в природную одарённость и креативность есть худшая форма социал-дарвинизма». Отрывок из книги «В потоке» философа Бориса Гройса. Инде [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://inde.io/article/11495-vera-v-prirodnuyu-odarennost-i-kreativnost-est-hudshaya-forma-sotsial-darvinizma-otryvok-iz-knigi-v-potoke-filosofa-borisa-groya> (дата обращения: 19.04.2023).
- Иноземцев В.Л. Апостол реализма // Россия в глобальной политике. 2012. Т.10. № 1. С. 212–219.
- Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
- Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М.: Мысль, 1998. 750 с.
- Пустовит А.И. Этика и эстетика: Наследие Запада. История красоты и добра: Учеб. пособие. Киев: МАУП, 2006. 680 с.
- Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 263 с.
- Рескин Д. Теория красоты. М.: РИПОЛ классик, 2016. 288 с.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 432 с.
- Тезауро Э. Подзорная труба Аристотеля. СПб.: Алетейя, 2002. 384 с.
- Adler E., Pouliot V. International Practices // International Theory. 2011. Vol. 3. No. 1. P. 1–36.
- Arendt H. The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 370 p.
- Bleiker R. Aesthetic Turn in International Relations // Oxford Bibliographies. 2018. URL: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0236.xml> (accessed 19.04.2023).
- Bleiker R. The Aesthetic Turn in International Political Theory // Millennium. 2001. Vol. 30. No. 3. P. 509–533.
- Campbell D. Geopolitics and Visuality: Sighting the Darfur Conflict // Political Geography. 2007. Vol. 26. No. 4. P. 357–382.
- Chandler A.R. The Aesthetic Categories // The Monist. 1921. Vol. 31. No. 3. P. 409–419.
- Crawford N.C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships // International Security. 2000. Vol. 24. No. 4. P. 116–156.
- Danchev A. On Art and War and Terror. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. 256 p.
- Eco U. On Beauty: A History of a Western Idea. L.: Secker & Warburg, 2004. 438 p.
- Funnell L., Dodds K. Geographies, Genders and Geopolitics of James Bond. London: Palgrave Macmillan, 2017. 253 p.
- Jay M. «The Aesthetic Ideology» as Ideology; or, What Does It Mean to Aestheticize Politics? // Cultural Critique. 1992. No. 21. P. 41–61.
- Kahn C.H. The art and Thought of Heraclitus. An Edition of the Fragments with Translation and Commentary. L.: Cambridge University Press, 1979. 354 p.
- Laclau E. Emancipation(s). L.: Verso, 1996. 124 p.

- Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. L.: Verso, 2001. 198 p.
- Little R.* The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths, and Models. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 328 p.
- Livio M.* The Golden Ratio and Aesthetics // *Plus Magazine*. 2002. URL: <https://plus.maths.org/content/golden-ratio-and-aesthetics> (accessed: 19.04.2023).
- Maguire J.P.* The Differentiation of Art in Plato's Aesthetics // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1964. Vol. 68. P. 389–410.
- Mearsheimer J.J., Altermann G.* The Tragedy of Great Power Politics. New York: WW Norton & Company, 2001. 561 p.
- Milliken J.* The Study of Discourse in International Relations: A Critique of Research and Methods // *European Journal of International Relations*. 1999. Vol. 5. No. 2. P. 225–254.
- Pettit P.* Democracy before, in, and after Schumpeter // *Critical Review*. 2017. Vol. 29. No. 4. P. 492–504.
- Poulakos J.* From the Depths of Rhetoric: The Emergence of Aesthetics as a Discipline // *Philosophy & Rhetoric*. 2007. Vol. 40. No. 4. P. 335–352.
- Sartori G.* The Essence of the Political in Carl Schmitt // *Journal of Theoretical Politics*. 1989. Vol. 1. No. 1. P. 63–75.
- Schweller R.L.* The Balance of Power in World Politics // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 2016. URL: <https://oxfordre.com/politics/display/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-119> (accessed: 19.04.2023).
- Shapiro M.J.* Cinematic Political Thought: Narrating Race, Nation and Gender. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 176 p.
- Shapiro M.J.* The Politics of Representation: Writing Practices in Biography, Photography, and Policy Analysis. Madison: University of Wisconsin Press, 1988. 256 p.
- Sheehan M.* The Balance of Power: History and Theory. London: Routledge, 1996. 229 p.
- Simons J.* Foucault and the Political. London: Routledge, 1995. 160 p.
- Waltz K.N.* Structural Realism after the Cold War // *International Security*. 2000. Vol. 25. No. 1. P. 5–41.
- Welsch W.* Undoing Aesthetics. L.: Sage Publications Ltd., 1997. 209 p.

THE CONCEPT OF A MULTIPOLAR WORLD AS THE AESTHETICIZATION OF POLITICS

GLEB KOTSUR

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 191060, Russia;

National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, 190068

Abstract

In 2001 R. Bleiker announced aesthetic turn in IR theory, which presupposed the focus on the intersection between two areas – politics and aesthetics. The vast majority of the works had the emphasis on the politicization of aesthetics in terms of Walter Benjamin, namely, on a process of instrumentalization of aesthetics for political purposes, while the opposite notion of the aestheticization of politics has remained vague. This article aims to compensate such a gap in epistemology and to show the importance of the aestheticization of politics for IR. The author proposes a theoretical and methodological framework that includes the concepts of political-aesthetic hybrids, political-aesthetic logic, superposition, blending and the work of purification as the retrospective separation of the aesthetic from the political. The article provides a ground to consider the concept of the multipolar world in the official discourse of Russia as

political-aesthetic hybrid. It contains a sustainable logic linking the multipolar principle in international relations with a harmonious order at the level of the international system and within specific countries/regions. Future research can focus on some other political-aesthetic hybrids such as "balance of power", "world order", "symmetrical response" to advance our understanding of the field of intersection between international relations and aesthetics. In addition, alternative views on the phenomenon of the aestheticization of politics may be fruitful, but only in the case of consistent conceptualization and, most importantly, operationalization of these models, since many previous theoretical constructions suffered from excessive metaphorical nature and vagueness.

Keywords:

aesthetic turn; aestheticization of politics; politicization of aesthetics; multipolar world; discourse; hybrids.

References

- Adler E., Pouliot V. (2011). International Practices. *International Theory*. Vol. 3. No. 1. P. 1–36.
- Arendt H. (1998). *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press. 370 p.
- Batalov J.J. (2005). *O filosofii mezhdunarodnyh otnoshenij* [On the philosophy of international relations]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnoshenijam. 132 p.
- Benjamin W. (2023). *Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehničeskoj vosproizvodimosti* [The work of art in the age of mechanical reproduction]. Kafedra istorii zarubeznoj literatury filologičeskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru> (accessed: 19.04.2023).
- Bleiker R. (2001). The Aesthetic Turn in International Political Theory. *Millennium*. Vol. 30. No. 3. P. 509–533.
- Bleiker R. (2018). Aesthetic Turn in International Relations. *Oxford Bibliographies*. URL: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0236.xml> (accessed 19.04.2023).
- Boileau-Despréaux N. (1937). *Pojeticheskoe iskusstvo* [Poetic art]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. 101 p.
- Campbell D. (2007). Geopolitics and Visuality: Sighting the Darfur Conflict. *Political Geography*. Vol. 26. No. 4. P. 357–382.
- Chandler A.R. (1921). The Aesthetic Categories. *The Monist*. Vol. 31. No. 3. P. 409–419.
- Crawford N.C. (2000). The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships. *International Security*. Vol. 24. No. 4. P. 116–156.
- Danchev A. (2011). *On Art and War and Terror*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 256 p.
- Eco U. (2004). *On Beauty: A History of a Western Idea*. L.: Secker & Warburg. 438 p.
- Funnell L., Dodds K. (2017). *Geographies, Genders and Geopolitics of James Bond*. London: Palgrave Macmillan. 253 p.
- Groys B.Y. (2018). «Vera v prirodnuju odarennost' i kreativnost' est' hudshaja forma social-darvinizma». *Otryvok iz knigi «V potoke» filosofa Borisa Grojsa* ["Belief in natural giftedness and creativity is the worst form of social Darwinism." An excerpt from the book "In the Stream" by the philosopher Boris Groys]. Inde. URL: <https://inde.io/article/11495-vera-v-prirodnuyu-odarennost-i-kreativnost-est-hudshaya-forma-sotsial-darvinizma-otryvok-iz-knigi-v-potoke-filosofa-borisa-groysa> (accessed: 19.04.2023).
- Inozemtsev V.L. (2012). Apostol realizma [Apostle of realism]. *Rossija v global'noj politike*. No. 1 (10). P. 212–219.
- Jay M. (1992). «The Aesthetic Ideology» as Ideology; or, What Does It Mean to Aestheticize Politics? *Cultural Critique*. No. 21. P. 41–61.
- Kahn C.H. (1979). *The Art and Thought of Heraclitus. An Edition of the Fragments with Translation and Commentary*. L.: Cambridge University Press. 354 p.
- Laclau E. (1996). *Emancipation(s)*. L.: Verso. 124 p.
- Laclau E., Mouffe C. (2001). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. L.: Verso. 198 p.
- Latour B. (2006). *Novogo Vremeni ne bylo. Jesse po simmetrichnoj antropologii* [We have never been modern]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 240 p.
- Little R. (2007). *The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths, and Models*. Cambridge: Cambridge University Press. 328 p.
- Livio M. (2002). The Golden Ratio and Aesthetics. *Plus Magazine*. URL: <https://plus.maths.org/content/golden-ratio-and-aesthetics> (accessed: 19.04.2023).

- Losev A.F. (1998). *Jestetika Vozrozhdenija. Istoricheskij smysl jestetiki Vozrozhdenija* [Aesthetics of the Renaissance. The historical meaning of the aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl'. 750 p.
- Maguire J.P. (1964). The Differentiation of Art in Plato's Aesthetics. *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 68. P. 389–410.
- Mearsheimer J.J., Alterman G. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: WW Norton & Company. 561 p.
- Milliken J. (1999). The Study of Discourse in International Relations: A Critique of Research and Methods. *European Journal of International Relations*. Vol. 5. No. 2. P. 225–254.
- Pettit P. (2017). Democracy before, in, and after Schumpeter. *Critical Review*. Vol. 29. No. 4. P. 492–504.
- Poulakos J. (2007). From the Depths of Rhetoric: The Emergence of Aesthetics as a Discipline. *Philosophy & Rhetoric*. Vol. 40. No. 4. P. 335–352.
- Pustovit A.I. (2006). *Jetika i jestetika: Nasledie Zapada. Istorija krasoty i dobra: Uchebnoe posobie* [Ethics and Aesthetics: Heritage of the West. A History of Beauty and Good: Study Guide]. Kyiv: MAUP. 680 p.
- Rancière J. (2007). *Razdeljaja chuvstvennoe* [The Distribution of the Sensible: Politics and Aesthetics]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 263 p.
- Ruskin J. (2016). *Teorija krasoty* [The theory of beauty]. Moscow: RIPOL klassik. 288 p.
- Sartori G. (1989). The Essence of the Political in Carl Schmitt. *Journal of Theoretical Politics*. Vol. 1. No. 1. P. 63–75.
- Saussure F. de. (1999). Kurs obshhej lingvistiki [Course in general linguistics]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 432 p.
- Schweller R. L. (2016). The Balance of Power in World Politics. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. URL: <https://oxfordre.com/politics/display/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-119> (accessed: 19.04.2023).
- Shapiro M.J. (1988). *The Politics of Representation: Writing Practices in Biography, Photography, and Policy Analysis*. Madison: University of Wisconsin Press. 256 p.
- Shapiro M.J. (1999). *Cinematic Political Thought: Narrating Race, Nation and Gender*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 176 p.
- Sheehan M. (1996). *The Balance of Power: History and Theory*. London: Routledge. 229 p.
- Simons J. (1995). *Foucault and the Political*. London: Routledge. 160 p.
- Tesauro E. (2002). *Podzornaja truba Aristotelja* [The aristotelian telescope]. Saint Petersburg: Aletejja. 384 p.
- Waltz K. N. (2000). Structural Realism after the Cold War. *International Security*. Vol. 25. No. 1. P. 5–41.
- Welsch W. (1997). *Undoing Aesthetics*. L.: Sage Publications Ltd. 209 p.